

4. Кропоткин, П.П. Взаимопомощь как фактор эволюции [Электронный ресурс] / П.П. Кропоткин. URL :<http://avtonom.org/index.php?nid=996> (дата обращения: 28.09.2016).
5. О готовности помогать взрослым людям. Данные опроса ФОМ от 20 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL :<http://fom.ru/TSennosti/12759> (дата обращения: 28.09.2016).
6. Тёррёнен, М. Социально-экономическое благополучие финских семей с маленькими детьми: экономическое измерение реципрокности / М. Тёррёнен // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII. – № 5 (82). – С. 8-26.
7. Штейнберг, И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей / И. Штейнберг // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 6 (74). – С. 52-57.
8. Granovetter, M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – Vol. 78. – No. 6. – May 1973. – PP. 1360-1380.

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И МИКРОПРАКТИКИ СОЛИДАРНОСТИ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Е.В. Реутов,

*кандидат социологических наук, доцент,
профессор кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" №15-03-00378.

Качество социальных отношений, эффективность социальных структур и институтов в современном обществе являются крайне сложными многофакторными феноменами, детерминация которых носит как внутренний, имманентный логике их функционирования, характер, так и внешний, во многом заданный комплексом культурных образцов - ценностей, установок, норм. Социокультурная детерминация, безусловно, не может являться самодовлеющей и предопределяющей характер социальных процессов. Однако роль ее весьма велика, поскольку воздействие культурных образцов имеет как непосредственный, так и опосредованный характер и, что еще более важно, проявляется не только в явной, но и в латентной форме. Именно такое латентное влияние культурных образцов лежат в основе большинства повседневных межличностных коммуникаций и социокультурных взаимодействий.

Плотность и направленность социальных связей, их интенсивность, участие индивидов в публичных процессах и институтах, соблюдение норм и мотивация его характера во многом определяются тем, насколько участники сообщества разделяют уверенность в том, что во всех этих сложных интеракциях они встретятся с взаимопониманием, эмпатией, определенностью и поддержкой, а не с враждебностью, закрытостью и хаосом. Эти ожидания могут быть ориентированы на широкий круг потенциальных и реальных контрагентов, среди которых могут быть как акторы (индивиды, группы, институциональные субъекты, так и обобщенные, деперсонализированные структуры - нормы, ситуации, социальный порядок, окружающий мир в целом. Такого рода уверенность в социологическом дискурсе принято идентифицировать, как доверие.

Основное содержание повседневной жизни участников местных сообществ, как правило, составляет воспроизводство повседневных рутинных практик, связанных с профессиональной или образовательной деятельностью, воспитанием и уходом за детьми, приобретением товаров первой или второй необходимости и пр. Представляя собой «естественное» содержание жизненных траекторий каждого человека, эти практики могут вос-

производиться даже при минимальном объеме социального капитала. При этом очевидно, что у представителей отдельных социальных (в том числе, профессиональных групп) даже воспроизводство рутинных практик требует постоянного выхода за пределы привычного круга общения и наращивания объема социального капитала. В качестве примеров можно привести деятельность журналиста, предпринимателя, политика, общественного активиста и др.

Менее рутинными, но также встроенными в социальную ткань повседневности, являются социальные практики, формирующиеся в системе взаимоотношений граждан и государственных (муниципальных) органов и учреждений – например, обращение в поликлинику, оформление различных документов, участие в выборах и т.п. Здесь уже чаще возникает нужда в привлечении социальных ресурсов со стороны и в выходе за пределы привычного круга контактов.

Наконец, в жизни людей возникают экстраординарные ситуации, выходящие за пределы самовоспроизводящихся практик и требующие максимизации социального капитала. Эти ситуации могут быть связаны как с неожиданными поворотами индивидуальных жизненных траекторий (смена места жительства или работы, серьезное заболевание, устройство детей в школу или университет и пр.), так и с возникновением проблем, затрагивающих достаточно большие круги участников местных сообществ (сокращение штатов на предприятии или его ликвидация, деградация социальной инфраструктуры, перебои в оказании жилищно-коммунальных услуг и другие нарушения привычного образа жизни).

И если для решения индивидуальных проблем используются «сильные» и активизируются имеющиеся «слабые» связи, а ключевым механизмом их поддержания является реципрокность (взаимовыгодный обмен ресурсами различного характера), то для поиска способов выхода из проблемных ситуаций, затрагивающих социальные группы и локальные сообщества, необходимым становится образование сетевых структур другого порядка. Доминирующие в них «слабые» связи формируются уже не столько на принципе реципрокности, но на консолидирующей идее, соображении «общей пользы». Соответствующие механизмы предъявляют принципиально иные требования к уровню доверия в локальных группах и местных сообществах.

П. Штомпка отмечает ряд объективных тенденций современного глобального общества, заставляющие социологов обратиться к концепту доверия. Так, он пишет о том, что: 1) современный мир зависит от все более целенаправленных человеческих усилий, и все больше людей занимают активную позицию по отношению к будущему; 2) растет взаимозависимость мира и необходимость сотрудничества, что, в свою очередь, увеличивает сферу непредсказуемости и неопределенности; 3) появляются новые и все более масштабные угрозы и риски человеческой деятельности, расширяются возможности для катастрофических ошибок; 4) увеличиваются возможности во всех проявлениях жизни и, соответственно, решения и действия контрагентов становятся все менее предсказуемыми; 5) целые сегменты социального мира становятся непрозрачными не только для обычных людей, но и для экспертов; 6) растет анонимность сил, от чьих действий зависят благосостояние и само существование масс; 7) в результате миграций, туризма, путешествий растет число "чужаков" [7].

А. Селигмен связывает усиление внимания к проблеме доверия с более общими предпосылками повышения уровня структурной дифференциации общества и степени риска: "диффузия риска порождает потребность в доверии во всех частях сети наших социальных отношений, важность коих постоянно возрастает" [3, с. 181]. Доверие же в его понимании выступает механизмом редукции риска в социальных интеракциях, осуществляющихся в ситуации системной неопределенности и кризиса идентичностей, порождающих "духовную близость".

Межличностное и институциональное доверие представляет собой одно из необходимых условий стабильности мироощущения людей, без которой оно деформируется и становится подверженным деградации и стрессу. Наличие доверия позволяет также ис-

ключить из личных и социальных контактов затратные механизмы взаимного контроля и сосредоточиться на содержании коммуникации [4, с. 6]. Но при этом в доверии может возникнуть и риск быть обманутым в своих ожиданиях относительно поведения других людей или функционирования институтов. Так, П. Штомпка считает институционализацию недоверия в системе публичного управления ключевым признаком демократии, способствующим росту «спонтанного доверия» на уровне повседневных практик [6, с. 19].

Социальное доверие предполагает убежденность в предсказуемости позитивных для его носителя эффектов поведения других людей или функционирования институтов. Формируется оно в результате действия комплекса факторов, многие из которых сложно поддаются коррекции на макро- и мезосоциальном уровнях, поскольку связаны с особенностями ранней социализации в семье [см., например: 1]. Тем не менее, в долгосрочной перспективе эффект от снижения уровня преступности, эффективности государства в защите прав граждан, повышения качества жизни в целом, скорее всего, будет позитивным для объема доверия в обществе. Так, А. Папакостас на примере Швеции отмечает значительный прогресс в уровне доверия, достигнутый за счет усиления государственного контроля и проникновения институционального регулирования в приватную сферу [2, с. 52].

Напротив, логично предположить, что низкий уровень межличностного доверия, скорее всего, будет негативно отражаться на способности локальных групп и местных сообществ к самоорганизации. Если в неформальных коммуникациях отсутствует взаимная уверенность в готовности контрагента к добровольному выполнению моральных обязательств, основанных на отсроченной реципрокности или альтруизме, становится невозможным формирование устойчивых связей и отношений.

К ключевым функциям социального доверия относятся:

- 1) формирование коллективной идентичности и социальная интеграция;
- 2) снижение издержек на социальный контроль;
- 3) уменьшение уровня социального стресса и улучшение социального самочувствия граждан.

К дисфункциональным последствиям доверия, которые, как правило, проявляются в ситуации дисбалансов между отдельными формами и основаниями социального доверия, усиленных манипулятивными практиками социальных агентов, чаще всего относятся:

- 1) снижение социальной рефлексивности акторов социоструктурных взаимодействий, утрата ими способности к рациональной оценке своего места в сложном контексте социальных связей и отношений, мотивов и интересов других акторов;
- 2) возможное усиление на массовом уровне патерналистских установок и ожиданий, связанных с "передоверением" ответственности за принятие решений административно-политической элите;
- 3) риск социокультурной или психологической травмы при столкновении участников сообщества, обладающего высоким уровнем доверия, с носителями иных культурных ценностей и установок и, как следствие, резкий переход к состоянию аномии.

Целью данной статьи является выявление взаимосвязи между уровнем обобщенного межличностного доверия и комплексом установок и практик, формирующих единое социальное пространство местного сообщества: готовностью к объединению с незнакомыми людьми, взаимопомощью, коллективными действиями и пр. Эмпирической базой статьи являются результаты анкетного опроса, проведенного в ноябре-декабре 2015 г. в Белгородской области на основе репрезентативной региональной выборки (N=1002 респондента).

Полученные в ходе исследования данные позволяют констатировать достаточно низкий уровень обобщенного межличностного доверия. Отвечая на вопрос, «Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?» чуть более трети респондентов (35,33%) дали положительный ответ. Противоположную точку зрения высказала почти половина опрошенных (49,30%). Довольно большая часть выборочной совокупности (16,37%) затруднилась с ответом. При этом уровень обобщенного межличностного дове-

рия, по данным наших замеров, за последние 5 лет практически не изменился – в 2010 г. доля респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, составляла 33,1%. Некоторое улучшение ситуации с доверием произошло в 2012 году. По-видимому, это было обусловлено общим повышением уровня социального оптимизма в российском обществе, вызванным относительно безболезненным выходом из финансово-экономического кризиса.

Уровень межличностного доверия снижается по мере расширения круга его потенциальных адресатов. Так, большинству жителей дома, двора, улицы (в сельской местности) в той или иной степени доверяют 56,07% респондентов (из них 18,86% дали однозначно положительный ответ). Не доверяют – 36,73%. По мере расширения круга адресатов доверия до пределов городского или сельского поселения уровень доверия, респондентов, доверяющих большинству жителей территории, уменьшается до 34,04% – фактически до того же уровня, который характеризует обобщенное межличностное доверие в принципе.

В наших условиях наиболее существенным «ценностным» ограничителем кооперации и сотрудничества между людьми является убежденность значительной их части в том, что «все люди преследуют, прежде всего, свои интересы, не считаясь с интересами других». В книге Э. Банфилда "Моральные основы отсталого общества", написанной по результатам исследования одной из итальянских общин в середине XX века, убежденность в эгоизме других трактуется как один из признаков "отсталого" общества, препятствующий консолидации ресурсов сообщества и его развитию [5].

Так вот, соответствующего мнения придерживается половина респондентов, давших содержательный ответ – 42,71%. Но другая половина респондентов разделяет мнение о том, что «люди способны на бескорыстие, взаимопомощь даже незнакомым людям» (42,42%). При этом прослеживается существенная взаимосвязь между данной установкой и обобщенным межличностным доверием. Так, среди сторонников доверия большинству людей мнение об эгоистичности окружающих придерживаются 26,84% опрошенных. Среди тех, кто не склонен доверять большинству людей – таких уже 53,72%. Характерно, что среди респондентов с установкой на обобщенное межличностное доверие заметно больше доли тех, кто в трудных жизненных ситуациях рассчитывает на помощь со стороны непосредственного окружения – родственников, друзей, знакомых, соседей, коллег по работе. Но при этом нужно отметить, что государственные институты, общественные объединения или администрация организаций, в которой работают респонденты, практически исключены из этого круга источников помощи. Межличностное доверие формируется в достаточно узком кругу отношений и, как правило, не трансформируется в практики, выходящие за пределы этого круга.

Значительно в меньшей степени, но также прослеживается взаимосвязь между обобщенным межличностным доверием и оценкой частоты ситуаций, требующих кооперации усилий и сотрудничества между людьми. Среди тех, кто доверяет большинству людей, 29,66% респондентов считают, что в повседневной жизни постоянно возникают ситуации, требующие сотрудничества между людьми, кооперации их усилий и ресурсов, и еще 59,67% – что такие ситуации возникают довольно часто. Среди тех, кто не доверяет большинству людей, данные доли ответов составили 21,69% и 52,89%. Приблизительно на этом же уровне прослеживаются и различия в оценках личного опыта включенности в солидарные практики. У сторонников доверия большинству людей постоянно или довольно часто ситуации, востребующие кооперацию и сотрудничество, отметили 66,10%, у сторонников недоверия – 53,31%. Возможно, установка на недоверие является реальным ограничителем потенциала самоорганизации, хотя, скорее всего, в данном случае наблюдается взаимное влияние двух ментальных характеристик.

Гораздо более интересным является различие двух групп респондентов в отношении характера ситуаций, актуализирующих самоорганизацию граждан. Среди респондентов, не доверяющих большинству людей, на 10,9 п.п. больше доля тех, кто исходные основания самоорганизации видит в негативном воздействии внешних факторов – прежде

всего, это нарушение коллективных прав жителей территории или участников трудового коллектива со стороны власти или собственников, руководителей предприятия (42,86% против 31,96% у доверяющих). И, напротив, среди сторонников доверия большинству людей на 10,7 п.п. больше доля тех, кто побудительным мотивом к кооперации считает улучшение среды обитания – например, обустройство территории во дворе, микрорайоне, городе, селе (72,60% против 61,90%). Таким образом, установка на доверие повышает шансы на кооперацию и сотрудничество в «нормальных» условиях; противоположная диспозиция может «сработать» в ситуации конфликта локальных групп и местных сообществ с внешними агентами.

Безусловно, наличие той или иной диспозиции не означает реальную включенность или исключенность индивида из коллективистских практик. Рефлексивное отношение к действительности даже у самых недоверчивых людей способствует пониманию того, что в ситуации ресурсных ограничений кооперация и сотрудничество являются единственным рациональным способом решения частных проблем. И, наоборот, даже самые большие оптимисты в отношении человеческой природы могут не реализовать свой ценностный потенциал в условиях отсутствия институциональных механизмов кооперации или недостаточности элементарной коммуникативной компетентности.

Результаты исследования показали наличие, пусть и слабой, взаимосвязи между установкой на обобщенное межличностное доверие и включенностью в коллективные действия на локальном и местном уровне. Так, в течение последнего года 55,65% респондентов из группы доверяющих большинству людей участвовали в какой-либо совместной деятельности с другими жителями их двора и улицы. В группе не доверяющих таких людей оказалось меньше – 45,25%. Заметно активнее респонденты первой категории участвовали в уборке и благоустройстве территории (доля участников больше на 8,18 п.п.) и несколько чаще – в различных формах взаимопомощи – сборе денег, вещей и пр. (на 3,58 п.п.).

Приблизительно так же различается уровень включенности на уровне поселения. Так, 42,38% респондентов из группы доверяющих большинству людей участвовали в какой-либо совместной деятельности с другими жителями их города, поселка, села. В группе не доверяющих участников коллективных действий на местном уровне оказалось 33,27%. Респонденты из первой группы активнее участвовали в уборке и благоустройстве территории (доля участников больше на 7,55 п.п.) и несколько чаще – в различных формах взаимопомощи – сборе денег, вещей и пр. (на 4,88 п.п.).

Характерно, что в коллективных действиях локально-территориального уровня респонденты с установкой на доверие чаще отмечали себя как их инициаторов (29,80% против 22,97% у не доверяющих). На поселенческом уровне такое различие уже не просматривается – по-видимому, доверие в качестве ресурса общественного активизма лучше всего срабатывает в пределах достаточно узкого радиуса коммуникаций.

Подводя итог, следует отметить, что обобщенное межличностное доверие как ценность и установка имеет значимую взаимосвязь с другими ментальными и поведенческими характеристиками индивидуального и группового сознания. Предполагая у других наличие не только эгоистических, но и альтруистических мотивов в социальных взаимодействиях, оно способствует формированию коллективной идентичности. Люди, доверяющие окружающим, чаще рассчитывают на помощь в пределах социальных сетей, сформированных на основе «сильных» и, отчасти, даже «слабых» связей и, можно предположить, действительно получают ее. Тем самым формируется сложная причинно-следственная связь между доверием, включенностью в практики взаимопомощи и объемом социального капитала, в которой каждый элемент является одновременно фактором и результатом.

Однако взаимосвязь межличностного доверия и уровня самоорганизации в местных сообществах, против ожидания, оказалась не такой сильной. Действительно, включенность в коллективные действия, особенно на локально-территориальном уровне, в не-

сколько большей мере характерна для людей с выраженной установкой на межличностное доверие. Такие люди чаще становятся и инициаторами коллективных практик. Доверие к окружающим является для них еще и коммуникационным ресурсом. Обобщенное межличностное доверие в большей мере располагает людей к альтруистическому типу поведения, направленному на решение повседневных проблем сообщества, а не только в экстраординарных ситуациях ущемления коллективных прав и интересов. Однако расширение коллективных практик за пределы «естественных» социальных сетей - семейно-родственных, дружеских, соседских, производственных – в условиях отсутствия институциональных основ доверия не ведет к увеличению его объема и к его трансформации в гражданский активизм.

Литература

1. Джонсон, Дж., Мельников, А. Экзистенциальные аспекты доверия // Социология, теория, методы, маркетинг. - 2009. - №1. - С.78-93.
2. Папакостас, А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. - М.: ВЦИОМ, 2016. - 224 с.
3. Селигмен, А. Проблема доверия. - М.: Идея-Пресс, 2002. - 256 с.
4. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. - М.: ООО "Издательство АСТ": ЗАО НПП "Ермак", 2004. - 730 с.
5. Banfield, E.C. The Moral Basis of a Backward Society. - New York: Free Press, 1958.
6. Sztompka, P. Trust, distrust and two paradoxes of democracy // Journal of European Social Theory. 1998. №1(1). - Pp. 19-32.
7. Sztompka, P. Trust: a sociological theory. - Cambridge: Cambridge university press, 1999. - 214 p.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УВАЖИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИИ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е.В. Самохвалова,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Современные исследователи сходятся во мнении, что отсутствие единой государственной политики, направленной на формирование уважительного отношения к интеллектуальной собственности, привело не только к ее повсеместному воровству, но и к оправданию этих действий российскими гражданами, в том числе молодым поколением россиян. К сожалению, молодежь, как и все российское общество, характеризуют плохая осведомленность о своих правах, в том числе авторских, и полное пренебрежение чужими. Ситуацию усугубляет тяжелое «наследие» социалистической идеологии, приведшей к обесцениванию интеллектуального труда и его результатов. С. А. Новоселов и В. А. Колосов справедливо замечают, что, например, списывание в российских школах и вузах расценивается, скорее, как свидетельство лениности обучающегося, нежели противоправного поступка - воровства чужих интеллектуальных результатов [1].

С другой стороны, ценность творчества и собственности на его результаты, профессиональная честность - важнейшие компоненты профессиональной культуры инновационно-ориентированных специалистов, без которых в современных условиях невозможно успешное развитие государства [2]. Обучение таких специалистов подразумевает не только подготовку молодежи к постановке и решению новых задач, которых не было и не